

димо, во-первых, признать ведущейся сетецентрическую войну против России, что поведет к осознанной разработке средств и способов участия в ней, мобилизации общества, элиты и экономики. Во-вторых, признание этого факта будет означать необходимость завершения начатых и новых организационно-политических и экономических мероприятий — от завершения реформы военной организации страны до принятия соответствующих стратегий и планов в области социально-экономического развития и стратегического планирования.

1.3. Идеологическая война как основная форма противоборства локальных человеческих цивилизаций в XXI веке

Сравнивая СО в той или иной стране в разные периоды времени, мы неизбежно по привычке оперируем такими категориями, как количество потерь в живой силе и технике, площадь оккупированной территории, численность захваченного населения и др., достаточно объективными критериями, которые традиционно используются входе всей истории человечества. И к которым мы исторически привыкли.

Между тем современная ВПО и СО характеризуются сегодня преимущественно иными, прежде всего, субъективными особенностями и критериями, которые имеют мало общего с традиционными. Более того, мы видим, что их роль становится даже более важной, чем объективных критериев. Так, например, война на Украине, а до этого в Ираке, Югославии и Афганистане, показала, что не так уж важны прямые военные потери личного состава, вооружений и военной техники, сколько их субъективные оценки в СМИ, социальных сетях и официальных заявлениях. Можно даже сказать, что власти Киева беспокоили

не столько реальные потери, сколько комментарии о таких потерях. Поэтому была запущена массированная политико-идеологическая компания, целью которой было сознательно и грубо исказить реальное положение дел. Если в прежних конфликтах и войнах собственные потери и потери противника искажались в неких пропорциях, то Киев в 2014 году продемонстрировал, что информацию о потерях можно просто придумывать. Так, долгое время говорилось о десятках погибших в АТО, когда уже были тысячи смертей. Реальность отрицалась грубо и сознательно, формируя искусственное восприятие СО на Украине у мирового сообщества и внутр страны.

Другая возросшая роль субъективного фактора — идеологическая поддержка населения, — стала решающей, как показали примеры войн на Украине, в Афганистане, Югославии, Ираке и Ливии. Особенно хорошо эта возросшая роль видна на примере исламских государств и политики негосударственных акторов, прежде всего, общественных и политических организаций, которые стали реальными факторами формирования ВПО — СО, не имея, нередко, никаких иных ресурсов, кроме идеологии. Яркий пример этому стремительный рост влияния ИГИЛ, которое за 7–9 месяцев 2014 года, превратилось во влиятельную политическую и военную силу, признанную не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке, и в Юго-Восточной Азии.

Идеология, как субъективный фактор формирования СО, до сих пор недооценивается в России. Так, говоря о СО на Донбассе в 2014 году, важно оценивать не только физические потери и соотношения в ВС и ВиВТ, а число сторонников, которое сегодня реально существует на Украине. В этой связи примечательно, что на выборах в октябре 2014 года, на занятых Киевом территориях, большинство проголосовало за «сепаратистов». Таким образом, получается, что подавляющее военно-экономическое превосходство Киева проиграло

идеологическому превосходству сил сопротивления, которое обладало существенно меньшими материальными ресурсами.

Важнейшим аспектом, характеризующим СО, например, является эмоциональная степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу. Это происходит потому, что даже незначительное участие страны в военных действиях, так или иначе, отражается на всех областях жизни общества и государства. «Всплеск» патриотизма или, наоборот, негативная реакция могут очень быстро либо ускорить, усилить масштаб военных действий, либо остановить их. Пример с Украиной показателен: массовое дезертирство, с одной стороны, и массовый психоз в СМИ, с другой. Как справедливо отмечают российские исследователи, «Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру... В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»²⁰.

Вместе с тем характеристика современной СО значительно более субъективна по целому ряду параметров, чем в недавнем прошлом. И это используется в сетцентрической войне, прежде всего, с точки зрения дезинформации элиты. Можно сказать, например, что в 1980-е и 1990-е годы правящая элита СССР и России оказалась под массивным информационным давлением со стороны Запада, которое сознательно искажало многие реалии, разрушая национальную систему ценностей и подрывая государственные интересы. Другое дело, что советская и российская элиты оказались не в состоянии сопротивляться этому давлению

---

²⁰ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 16.

и искажению МО и ВПО в силу разного рода причин, в том числе и субъективных.

В полной мере эти свойства СО используются и сегодня против российской элиты, восприятие которой сознательно искажается внешним воздействием и санкциями. Таким образом, затрудняется адекватность и своевременность оценки, анализа и прогноза СО у правящей российской элиты. Причем вполне целенаправленно и сознательно. Именно под внешним влиянием в российской экспертной среде «вдруг» появляются и активно продвигаются неадекватные концепции и оценки ВПО — СО. Не случайно, ведь, в первой редакции «Концепции национальной безопасности России» 1996 года утверждалось, что «России никто не угрожает». (Этот тезис, кстати, в той или иной форме до сих пор сохранился в разных нормативных документах).

Сознательное субъективное и ложное влияние извне на российскую правящую элиту проявляется и в том, чтобы игнорировать новые явления в формировании ВПО и СО. В том числе таких решающих и субъективных, как способы ведения сетецентрических войн против элиты и общества противника. Это неизбежно предполагает игнорирование множества неизвестных ранее переменных и новых характеристик, составляющих суть войны, что равноценно в прежние годы тому, что «не заметили» появление новых средств и способов ведения войн. Так, в условиях современной СО и даже войны значительная часть элиты и большинство нации может вообще иметь смутное представление о реальности происходящего. В 2014 году в России, вплоть до конца года, не осознавались реалии войны на Украине, а еще в конце 2013 года ведущие политики и эксперты «прогнозировали», что в 2014 году МО, ВПО и СО останутся прежними.

Массовая дезинформация, искажение действительности, сознательно создаваемые в элите и обществе, формируют иллюзию, которая воспринимается большинством как

реальность. На Украине, например, никто не верит в использование тяжелого вооружения и даже баллистических ракет против гражданского населения, а в России — что Запад поспешит отказаться от экономических санкций. Обострение ВПО и СО в 2014 году, имеющее стратегический и долгосрочный характер, воспринималось в России и в мире как «частное» мнение некоторых представителей российской элиты. Война, в которой фактически уже участвовала Россия в 2014 году, настойчиво не признавалась войной, а враждебная политика — «не всегда адекватными действиями партнеров».

Самое масштабное создание иллюзии неадекватной ВПО и СО происходило в процессе развала ОВД и СССР. Геополитическая реальность в виде ОВД (и его экономической основы СЭВа) Советским Союзом была практически заменена (лучше сказать подменена) на новую, искусственную, нереальную, причем как у ловкого фокусника эту подмену обнаружили не сразу, а только «вдруг» когда границы НАТО приблизились к Белоруссии. Тем более не сразу ее осознали. Потребовалось много лет для того, чтобы эти реальности (и то постепенно) осознали политические элиты бывших социалистических стран, которые стали объектом управления (манипуляции). К тому времени маскировочные символы «демократии», «равенства», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» и т.п. уже не требовались и от них спокойно избавились. Процесс сценарного программирования, составляющий суть сетецентрической войны, против ОВД и СЭВ, в основном завершился к началу 90-х годов XX века.

Была в итоге достигнута главная политическая и геополитическая цель (равноценная победе в масштабной, даже, глобальной войне) — противник был дезинтегрирован и принял условия поведения («нормы международных правил»). Новая ВПО и СО полностью соответствовала этим результатам политической победы. Как отмечали позже

американские эксперты, — «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона»²¹.

Безусловной заслугой авторов сетецентрической войны является то, что большинство элиты и общества в Восточной Европе, СССР и России так и не поняло масштабы произошедшего, а значительная часть не понимает этого и сегодня. Не считая сознательных политико-идеологических предателей, это большинство правящей элиты оказалось неадекватным воспринимать реалии МО, ВПО и СО. Между тем, в результате развала ОВД и распада СССР, вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения». И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям,

---

²¹ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDJL, 1997.

то в настоящее время — по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»²².

В этой связи возникает вопрос о том, какими видят на Западе, международную обстановку, военно-политическую обстановку и военно-стратегическую обстановку в будущем, и какими хотят, чтобы их видели в России, прежде всего, конечно, в правящей элите страны?

Приходится признать, что к началу XXI века в США пришли к выводу, что Россия перестала быть для них серьезным потенциальным стратегическим противником, превратившись, в лучшем случае, в региональную державу, а потому, в глобальной сетецентрической войне США за сохранение мирового лидерства ей и отводится соответствующая роль. Одним из следствий такой переоценки стал отказ от массивированной и глобальной дезинформации политической элиты России, которая потеряла свою практическую значимость, а, значит, особую секретность и масштабность. Вот почему в отношении российской элиты с конца 90-х годов стали звучать не только трезвые, но и даже пренебрежительные оценки, лишённые, в том числе, необходимости массивированной дезинформации. Такой потребности к началу XXI века уже просто не было.

Именно поэтому оценки США в отношении России и ВПО — СО стали более откровенными и даже циничными. Так, главной политической целью США в отношении России в будущем объявлялось постепенное уменьшение влияния России и последующий развал страны, и раздел ее ресурсов, а в качестве программы — минимум, на ближнесрочную перспективу — недопущение интеграции. Новая СО и ее функциональное предназначение, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве

---

²² Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDJL, 1997.

государства, аналогичного СССР в послевоенные годы²³. Это и есть «программа минимум» США по отношению к России на среднесрочную перспективу. Естественно, что «программа-максимум» — развал страны, — пока официально не декларируется, хотя психологическая подготовка российской элиты к такому заявлению уже начата. Не случайно, звучат «частные» и «личные» мнения о необходимости раздела природных ресурсов России.

В этой связи, важно попытаться оценить адекватность правящей на Западе элиты и принимаемых ею решений. На этот счет существует немало точек зрения, представляющих собой широкий «разброс» оценок — от крайне негативных, даже уничтожающих, до восторженных. В частности, по стратегии Запада по отношению к региональным конфликтам в Африке и на Большом Ближнем Востоке, к России и к войне на Украине. Так, исследователь из МГИМО А. Сушенцов неоднократно писал, например, о неспособности правящей элиты США адекватно оценить региональные кризисы. Нередко СМИ, критикующие по разным поводам руководство США и других западных стран, также пытаются объяснить региональные войны «провалом» стратегии США и НАТО.

На наш взгляд, это не соответствует действительности. Собственный опыт и информация свидетельствуют о другом, а именно: в таких странах, как США, Великобритания, Израиль у власти находится прекрасно подготовленная профессионально, преданная национальным интересам и очень опытная элита. Кроме того, в отличие, например, от России, у этой элиты существует ясно разработанная стратегия.

Наконец, правящие элиты западных государств «защищены от дураков» и случайных людей типа М. Горбачева, Б. Ельцина и др., оказавшихся у власти, тщательно

---

²³ См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.

продуманной и реализуемой стратегией кадрового отбора. Она хорошо видна, например, на кадровом составе нескольких администраций, воспитанном еще Г. Киссинджером.

Рис. 1.10.

Таким образом, существующая и складывающаяся для Российской Федерации, в будущем, стратегическая обстановка крайне неблагоприятно влияет на обеспечение военной безопасности²⁴. Неизбежно прогнозируется дальнейшее

²⁴ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 29

продвижение идей дезинтеграции. Но теперь уже России и ее геополитического пространства, что постепенно внедряется (как крайняя необходимость) в сознание либеральной части правящей элиты России.

В этих условиях долгосрочный прогноз возможных реальных сценариев развития стратегической обстановки (СО) и их виртуальных клонов — исключительно важное исследование, имеющее трудно переоцениваемое значение для безопасности государств и наций. Но не менее важно и то, как этот анализ будет восприниматься элитой. От того, как точен будет этот прогноз и насколько адекватно он будет восприниматься, зависит, в конечном счете, само будущее государства и нации, а в условиях XXI века, — всей локальной российской цивилизации. Мы нередко встречали в истории самый замечательный анализ, а иногда и самый точный прогноз, но крайне редко сталкивались с адекватностью их восприятия правящей элитой, предусмотрительностью и способностью понять их последствия. До сего дня, например, идут споры относительно того, могло ли царское правительство избежать вступления России в Первую мировую войну, не только остановившую быстрый социально-экономический, научный и культурный прогресс России, но и приведшую ее к катастрофе, хотя для экспертов и была очевидна катастрофичность этого решения.

Сто лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же сложной ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «После войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т.е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы... Это не менее

необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни...»²⁵.

Как известно, реакция правящей элиты, как правило, редко бывает адекватной объективным потребностям нации и общества, что неизбежно наводит на мысль, что субъективные факторы в политике, оценке ВПО и СО, играют решающее значение. К сожалению, этот мудрый совет В. И. Вернадского так и не был воспринят. Россия оказалась сначала втянутой в Мировую, а затем и гражданскую войну, которые отбросили ее в развитии на десятилетия назад. Примечательно, что возвращение к опережающим темпам социально-экономического и научно-технического развития произошло в 30-е годы XX века во многом благодаря субъективной оценке И. Сталина и части его окружения, именно в отношении существовавшей тогда стратегической обстановки вокруг СССР. Эта оценка потребовала рывка в технологическом и экономическом развитии, который, в конечном счете, и создал основу для будущей безопасности СССР.

Примечательно и то, что противники И. Сталина — как «справа», так и «слева» — не считали СО угрожающей, а меры, требуемые для обеспечения безопасности в области науки и экономики, — чрезвычайными. Споры о необходимости коллективизации и индустриализации, таким образом, вытекали из разных субъективных оценок СО. Примечательно, что оценка правящей элитой России СО во втором десятилетии XXI века, также, существенно отличается, что проявляется порой в совершенно различных политических решениях, но ни одна из этих оценок СО не является консолидированным мнением элиты, требующим мобилизации национальных ресурсов. Исходя из различий в оценках СО, можно выделить, как минимум, три главных подхода, отли-

²⁵ Вернадский В. И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type=&=book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.

чающихся как по существу оценки, так и по репрезентативности элиты.

Первый, либеральный подход, в соответствии с которым СО, по-прежнему, не является угрожающей для России, а ее смягчение является целиком следствием изменения курса России и лично В. Путина. Можно оценить приверженцев этого подхода в элите и обществе, как долю в 20–25 %, учитывая в т.ч. их личные интересы.

Второй, государственный подход, предполагает, что СО обострится, но явной угрозы России нет и в ближайшие годы не будет. Этот подход предполагает постепенное естественное «смягчение» противоречий и обострения СО. Сторонниками этого подхода является большинство правящей элиты (не менее 50 %) и общества.

Наконец, третий подход в оценке СО, которого придерживается меньшинство правящей элиты и общества (5 % и 5 % соответственно). Эта оценка говорит в пользу нарастания внешней угрозы, более того, что фактически такая война против России уже начата.

Понятно, что разница в оценках СО элитой существует всегда. Можно привести в этой связи и аналогию с субъективными оценками СО в Советской правящей элите в 80-е годы, которая определенно разделилась на два лагеря. В первом лагере остались те, кого позже будут называть «консерваторами» и «ортодоксами», кто внешне придерживался строгих марксистских догм, но в действительности справедливо полагал, что против «социализма» (стран-участниц ОВД) проводится прежняя политика «холодной войны» на уничтожение.

Вместе с тем в правящей элите СССР выростала и команда «реформаторов», которая совершенно по-иному оценивала СО в начале 1980-х годов. Эта команда использовала для обоснования своих оценок СО разные идеи, концепции и идеологемы — от концепции «общечеловеческих»

ценностей и глобальных проблем, до идей политической и экономической конвергенции.

Современный опыт России показывает, что проблема не в том, что даже на уровне анализа современной ВПО и СО в правящей элите встречаются не просто различные, но и прямо противоположные оценки, которые в будущем еще более будут различаться. Проблема в необходимости выработки единой стратегии поведения в той или иной СО, масштабах ответных мер, т.е. в стратегическом планировании. Как показывает опыт СССР и России, неверные оценки, носят и неизбежно, будут носить катастрофический характер. Субъективизм в оценке СО, наверное неизбежен, но он имеет катастрофические последствия, если становится неадекватной государственной политикой, а именно этого мы еще только учимся избегать.

Несмотря на всю очевидную субъективность любых политических оценок, о которых все знают, от оценки СО правящей элитой и ее реакции во многом зависит характер реальной ВПО и СО. Этот факт не просто известен, но и используется очень активно в современной сетцентрической войне. Очевидно, что если полагать, что СО характеризуется тем, что «В мире у России нет явно выраженных врагов — потенциальных агрессоров...», а «вероятность нападения — со стороны какой-то крупной державы или коалиции мала»²⁶ (как писал недавно бывший сотрудник МИД и администрации Президента РФ С. Картунов, выражая позицию большинства российской элиты и экспертного сообщества), то и меры в области военной политики, стратегического планирования и военного строительства будут приниматься исходя из этой оценки. Не секрет, например, что начиная со второй половины 80-х годов в СССР, а затем и в России сознательно формировалось общественное мнение о том, что «нам никто не угрожает», что

²⁶ Картунов С.В. Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. № 5 / <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225>

«общечеловеческие интересы» полностью совпадают с советскими и российскими» и т.д., а система ценностей «передовых стран» — универсальна и «полностью соответствует советской (российской) системе ценностей».

Под влиянием этого сознательного искажения реальной международной действительности, в том числе ВПО и СО, формировалась новая система международных отношений, ориентированная на интересы западной локальной цивилизации. Но не только. В эти же годы продолжалось сознательное формирование враждебной России ВПО — расширялась и продвигалась на восток НАТО, развивалась инфраструктура блока у границ России, продолжался (даже усилился) рост военных расходов США и т.д.

Все эти действия происходили под прикрытием массовой пропагандистской кампании об укреплении безопасности России», которая стала «демократической страной», членом влиятельных международных клубов и организаций. Это все говорит о достаточно эффективной внешнеполитической пропаганде, которая — надо признать — в конечном итоге, полностью искадила реалии ВПО в сознании российской правящей элиты. Начиная, где-то, с 1987 года, было мучительно наблюдать, насколько массировано и успешно развивалась эта кампания, в которой, надо признать, приняло участие большинство популярных советских политиков, ученых и журналистов.

Таким образом, реальная СО, в начале XXI века, отличалась от мнимой, что отражало совершенно иную точку зрения, которая до мюнхенской речи В. Путина практически полностью игнорировалась потому, что если считать, что СО стремительно усложняется и имеет долгосрочную тенденцию к ухудшению²⁷, то были необходимы срочные и масштабные меры, предназначенные для укрепления национальной

²⁷ Подберезкин А.И. Презентация доклада «Международные последствия развития ситуации в мире до 2030 года». М. : МГИМО, 2014. Ноябрь.

безопасности страны. Меры, которые, естественно, потребуют пересмотра приоритетов не только внешней политики, но и социально-экономического развития страны, коррекции бюджета и многих других, крайне непопулярных мер. Очевидно, что такие непопулярные шаги неизбежно приведут к неизбежным внутривнутриполитическим осложнениям и другим трудностям, если они не будут хорошо обоснованы с точки зрения национальных интересов. Но, видимо, именно этого больше всего и боялась правящая элита страны.

Субъективность в оценке СО, таким образом, может иметь разные причины. Нельзя исключать, более того, следует изначально предполагать, что неверную субъективную оценку и ложный прогноз развития ВПО–СО могут формировать извне с помощью сознательной дезинформации. Хорошо известно, например, что во время войны такие масштабные мероприятия по дезинформации относительно реальной СО приводили к огромным потерям и даже проигранным кампаниям. Но, если согласиться с тем, что против России активизируется сетецентрическая война, в которой дезинформация играет огромную роль, так как непосредственно влияет на главный объект ведения войны — правящую элиту, — то неизбежно надо признать, что «на войне как на войне» — искажение СО становится одной из важнейших задач такой информационной войны.

С другой стороны, с научной точки зрения, уникальность, конкретность и неповторимость таких явлений как СО, военные конфликты и войны, делает попытки их систематизации, формализации, а тем более стратегического прогнозирования, очень условными, достаточно общими, объективно лишенными конкретики. В этой связи, изначально должно быть принято за аксиому, что не существует универсальных методов и прогнозов СО, способных дать конкретные предположения и рекомендации в отношении всех сценариев и вариантов ее развития.

Уникальность любой СО или войны (конфликта) заключается также в том, что их нельзя вырвать из общего контекста развития конкретного сценария ВПО и МО. Они не просто являются органической составной частью ВПО и МО, но и непосредственно, прямо и логично вытекают из их развития. Нельзя «вырвать» отдельную войну и даже незначительный военный конфликт из всего контекста развития происходящих мировых событий — эволюционного, а тем более революционного, — хотя иногда это и пытаются делать. Причем в XXI веке эта зависимость увеличивается. Именно «гибридность» является в настоящее время ключевым моментом в оценке характеристики войны, конфликта и СО. Не случайно этому на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана который следующим образом представляет себе развитие конфликта, подчеркивая нарастающую степень риска по мере роста интенсивности.

Как видно, сложные, «гибридные» войны и конфликты стали наиболее реальными угрозами и частыми войнами и конфликтами в XXI веке. При этом, именно «гибридные» войны стали наиболее часто используемыми средствами США и Запада в целом, хотя именно для оправдания этого продвигается идея об их происхождении из других источников: «... гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»²⁸.

²⁸ Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.

Важно понимать, что при стремительно нарастающем изменении в значении субъективных факторов формирования СО остается решающая роль за объективными факторами и тенденциями, которые формируют ВПО. Новая СО, вырастая из ВПО, не может не быть ее продуктом и следствием. Так, новая СО в ходе Курской битвы неизбежно базировалась на той военно-политической обстановке и тех факторах, которые сложились к лету 1943 года: общем количестве бронетанковой техники, их качестве, численности авиации и используемых боеприпасах, работе тыла (в т.ч. ремонтных частей), качестве личного состава и т.д.

С точки зрения восприятия СО необходимо помнить, что любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — будет системным явлением, сочетающим множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. При анализе и прогнозе необходимо учесть, необходимо максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых незначительных (ошибки, например, в обмундировании войск или сроках военной кампании), приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным поражениям). Субъективные переменные факторы формируют некую систему переменных величин, значение которой в формировании СО возрастает и имеет крупные последствия. Причем не только положительные, но и отрицательные. Вопрос, однако, в том, каким образом учесть не только известные факторы, но и спрогнозировать появление новых, в т.ч. очень влиятельных факторов, способных изменить радикально всю ситуацию.

Развитие сценариев СО в долгосрочной перспективе неизбежно предполагает, кроме того, «смену парадигм», т.е. изменения качества («фазовые изменения») во всех областях военного дела. Причем не только экономических, социальных и политических, но и гуманитарных, мировоззренческих.

Поэтому неизбежно необходимый качественный анализ СО, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов.

В целом же обязательность системного подхода в оценке и анализе СО диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских исследователей, может быть рассмотрена, как:

- средство, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам;
- процесс взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии;
- определенное состояние общества (и государства) во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способ решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом. Графически это можно отразить с помощью схемы (рис. 1.11)²⁹.

Рис. 1.11.

²⁹ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 31.

Соответственно и СО, формирующая основные особенности конкретной войны, одновременно выступает отражением и состояния государств и обществ, и процессов, происходящих в вооруженных силах, и средством политики государств и военно-политических коалиций.

Для лучшего понимания сущности войны необходимо, по мнению российских ученых, учитывать также следующие ее признаки³⁰, которые отражаются каждый раз на конкретном состоянии СО и перспективах ее развития:

- война есть не просто социальное явление и самостоятельная область (сфера) общественной жизни, но и специальная социальная реальность;
- война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе;
- наличие не менее 2-х субъектов, участвующих в ней;
- цели и задачи этих субъектов противоположны;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
- наличие средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
- массовое широкомасштабное применение средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- активное противодействие субъектов друг другу;
- юридический акт объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти и другие.

Надо сказать, что каждая из этих особенностей требует своего уточнения и конкретизации в каждой конкретной СО. Тем более, стратегический прогноз возможного сценария

---

³⁰ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 32.

развития СО предполагает стратегический прогноз каждой из этих особенностей.

Наконец, перечень признаков войны указанный выше, отнюдь не является исчерпывающим и может быть дополнен. Более того, он обязательно будет дополнен и расширен в интересах каждой из сторон. Причем очень важно понимать, что в условиях информационной войны та или иная сторона заинтересована в том, чтобы по-своему трактовать характер войны. Причем — «по-своему» — означает не просто определение войны, но создание ее виртуального образа, такого образа характера стратегической обстановки, который нередко абсолютно отличен от реальной СО. Примеров в современной истории достаточно много, но наиболее, «удачные» примеры сознательного искажения СО Соединенными Штатами в Ираке и Сирии, когда США пытались обвинить их правительства в использовании ОМУ. Война в 2014 году на Украине дала основания полагать, что СО и сценарий ее развития создавались задолго до собственного начала военных действий. Можно предположить, что тщательно разработанный сценарий развития СО предполагал реализацию в 2015 году, но столкнувшись с реалиями — готовностью России активно противодействовать и помогать Украине осенью 2013 года и стихийным обострением внутривосточной ситуации — был «скорректирован» в сторону ранней реализации, перенесен на 1–1,5 года. Этим, в частности, можно объяснить неподготовленность к развитию событий в Крыму и в юго-восточных регионах, а, главное, недостаток накопленных ресурсов для реализации задуманного сценария СО.

Особенностью сознательно-субъективного искажения СО является то, что в этом процессе задействованы системным образом все информационные ресурсы — СМИ (электронные, печатные, сетевые) — а также противодействие — в массовом порядке, без ограничений и каких-либо допущений критики со стороны оппонентов или оппозиции.

Другой особенностью этого субъективного искажения СО является сознательное, без всяких ограничений и стеснений, ссылок на «разумность» и т.д. искажение действительности, когда не задумываясь вбрасывают любую информацию, не только не требуя подтверждений, проверки и др. традиционных для СМИ действий, но и заведомо зная ее ложность. Более того, вбрасывается в массовом порядке сознательно сфабрикованная искаженная информация.

Подобное сознательное искажение СО происходит за счет фактически монопольного использования огромных потоков информации, создаваемых подконтрольно заранее, в соответствии с планом развития СО, которые плотно «вписаны» в единую информационную политику государственных структур (в США — Государственного департамента и ЦРУ, контролирующих не только национальную информационную политику, но и в большинстве стран-союзников).

Организуется своего рода искусственный «информационный взрыв», который исключает возможное противодействие информационных ресурсов противника, либо делает его минимально ощутимым. Этот же массивный взрыв формирует виртуальный образ СО — «народного восстания», «революции» и т.д. Для такого информационного взрыва нужны огромные массивы информации, которые создаются заранее либо с использованием существующих СМИ, либо созданием специальных новых СМИ. Так, «революция» на Украине была подготовлена, в том числе и появлением «вдруг» тысяч новых сайтов, агентств, блоггеров и т.д.

Задача при формировании образа СО, чтобы большинство этого информационного потока было направлено в нужное русло. На фоне, такого объема информации теряется кроме того сообщение, которое не является для владельцев информационных потоков приоритетным. Для этого используется армия недорогих сетевых ресурсов, генерирующих необходимую информацию и реакцию на нее.

Контроль над большими объемами информации, как и контроль над «сетью», является важнейшим условием эффективности сетецентрической войны, когда изначально необходимо создать ложный образ МО, ВПО и, конечно же, СО, а также ложный образ врага. Это возможно только в том случае, когда этот ложный образ будут «лепить» большинство влиятельных СМИ. Примеры с войной в Грузии и на Украине — очень наглядны.

Наконец, огромное значение в формировании СО приобретают специальные кибероперации и атаки, в частности, с помощью специально подготовленных заранее объектов. Так, член ВПК РФ по АСУ Игорь Шеремет, иллюстрирует эту мысль следующим образом³¹.

Надо понимать, что информационная война против России ведется разными способами, в том числе (и прежде всего) в сетевом сообществе, и является частью сетецентрической войны. Причем воздействие на общество и элиту, формирование субъективно-ложного образа СО происходит на разных уровнях. Так, для правящей элиты России ложная СО формируется под влиянием таких тезисов, как «единая европейская общность», «либеральные ценности», «демократия» и т.д. Для массового потребителя — «уровень жизни в Европе», «права и свободы» и т.п.

Особенное значение в целях сетецентрической войны имеют отдельные, целевые социальные группы, отличающиеся по национальному, социальному, религиозному и иным признакам, для каждого из которых создается собственный уникальный, субъективный образ врага, СО, положения в стране.

Возрастающее значение для формирования субъективно-искаженного образа СО имеют социальные сети. Прежде всего, из-за того, что они способны охватить неограниченное количество социальных групп граждан, для каждой из

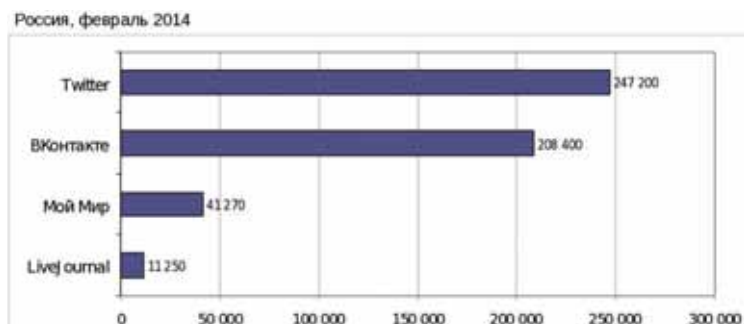
³¹ Шеремет И. Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

которой будет сформирован свой собственный, уникальный субъективно-искаженный образ противника и СО. Если для СМИ, особенно общенациональных, а тем более мировых, характерна универсальная информационная политика, то для социальных сетей — возможна только своя, особенная, отвечающая представлениям достаточно узкой группы граждан. Так, невозможно, например, манипулировать сознанием граждан из Бурятии, проживающих в Москве, через федеральные СМИ (это — слишком узкая группа), но, в случае необходимости, это легко сделать через сообщество в социальных сетях, которое имеет на них большое влияние.

Только социальные сети способны сверхоперативно реагировать на меняющуюся обстановку, в т.ч. СО, где возможны изменения в течение суток и даже часов. Особенно в условиях, когда развивается военный конфликт и СО меняется буквально в течение нескольких часов. Как показывает статистика, реакция сетей может измеряться тысячами посещений в течение часа, если происходят знаковые события (рис. 1.12).

Этим активно пользуются те, кто создает искусственно субъективно-искаженную СО, что хорошо было видно на примере Украины, когда в сети размещалась заведомо ложная информация, которая могла повлиять на изменение СО. Так, неожиданная громкая «победа» украинских войск вынуждала менять дислокацию войск оппозиции, подрывала их боевой дух и т.п. И, наоборот, «позитивная» ложная информация могла изменить реальную СО на ТВД.

Все это говорит о новом характере СО и войны и новом значении невоенных средств ведения войны. Так, в частности, некоторые военные теоретики даже считают, что война — это в первую очередь экономическая, дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооружённой силы, вооружённой борьбы отодвигается на второй план. По мнению В. Гулина, например: «Войну отличает не форма

Рис. 1.12³². Количество публичных сообщений за месяц (тыс. сообщений)

насилия, а основные её сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определённого времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге — иная их расстановка»³³. Таким образом, также как и в определении самой войны, выделение ее сущностных признаков является многоплановым и неоднозначным.

Тем не менее, по мнению многих авторов, определяющим признаком войны является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет, по их мнению, сущность войны в точном смысле этого слова: «На основе анализа вышеприведенных определений войны, а также ее наиболее очевидных признаков, представляется возможным дать следующее определение войны, — пишут российские авторы. По их мнению, «В самом общем виде, ... война есть двухстороннее вооруженное столкновение ан-

³² Крылова С. Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. С. 5.

³³ Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 33.

тагонистических противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее за собой человеческие жертвы и потери»³⁴.

Другими словами, «вооруженное нападение», «массовые столкновения», «человеческие потери», считаются по-прежнему основными характеристиками войны.

И с этой характеристикой современной СО совершенно нельзя согласиться по причине того, что субъективно-искаженные представления о СО, ставшие нормой для сетцентрической войны, совершенно по-иному отражают существующие реальности. Эту разницу можно представить в следующем сравнении.

Сравнение основных характеристик СО в традиционной и сетцентрической войне

Характеристики	Традиционная война (объективные представления)	Сетцентрическая война (субъективно-искаженные)
— вооруженное столкновение	десятки / сотни участников	1 участник или 1000 участников
— война	сотни и тысячи участников	несколько участников или десятки тысяч участников
— массовые столкновения	десятки, сотни, тысячи	один–два, десятки тысяч
— человеческие потери	десятки, сотни, тысячи	один–два, тысячи

Очень наглядно демонстрируется эта логика на примере военного конфликта на Украине, где военную победу в революции одержали невооруженные формирования. Те же, что и в Тбилиси, и в Каире.

³⁴ Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 33.